

みんなくりポジトリ

国立民族学博物館学術情報リポジトリ National Museum of Ethnology

ТУВИНЦЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: Тофалары и сойоты: судьба отколовшихся частей этноса

メタデータ	言語: rus 出版者: 公開日: 2011-01-28 キーワード (Ja): キーワード (En): 作成者: M.B., Монгуш メールアドレス: 所属:
URL	https://doi.org/10.15021/00001052

Более того, дети от смешанных браков тувинцев с нетувинцами, точнее с представителями немонголоидной расы, считаются не только красивыми, но и умными. Поэтому, если о человеке говорят, что он «хайнак», под этим подразумевается не только внешняя привлекательность, которая превосходит привлекательность монголоида и европеоида по отдельности, но и острый, смекалистый ум. О полукровке, сделавшем себе блестящую карьеру и таким образом выделившемся из общей массы, принято говорить: «Достиг всего, потому что хайнак, у него все намешано». О тувинце в этой же ситуации скажут: «У него (нее) есть голова на плечах».

Все вышесказанное лишь подтверждает распространенный в кругах российских и западных этнологов тезис о том, что отказ от крупномасштабной концепции «советского народа как новой исторической общности людей» и от менее фундаментальной парадигмы «советского человека» неизбежно ведет к смятению душ и «пожару в умах», способствуя тем самым появлению и активизации новых форм идентичности.

5. Тофалары и сойоты: судьба отколовшихся частей этноса

Известно, что в контактной зоне проживания двух и более этносов в процессе длительных постоянных контактов создаются смешанные переходные группы, которые в какое-то время трудно отнести к тому или иному этносу. В конечном результате они могут составить новую самостоятельную этническую единицу или все-таки влиться в состав одного из исходных этносов. Примером тому служат тофалары и сойоты – немногочисленные группы, первоначально принадлежавшие к тувинскому этносу, но сегодня выступающие в качестве самостоятельных этнических образований. Роль их в функционировании тувинского этноса как целостной системы полностью утрачена, но изучение их в контексте этногенеза и этнической истории тувинцев весьма актуально.

Тофалары и сойоты привлекали внимание исследователей не в одинаковой степени. Наиболее удачно складывалось изучение тофаларов, о чем свидетельствуют серьезные научные публикации, в том числе ряд монографий, посвященных различным аспектам их истории, языка и культуры (Dioszegi 1968; Рассадин 1971, 1978, 1982, 2000, 2000а; Мельникова 1994; Тюркские народы 2008:262-333). Неоспоримым достоинством этих работ является то, что они основаны на богатом полевом этнографическом материале – уникальном источнике по народной культуре любого этноса, позволяющем расширить и углубить проблематику исследований.

Иная ситуация сложилась с сойотами, полевые исследования среди которых долгое время практически не велись. Если упоминания о них и встречались в литературе, то они в основном носили общий характер и не могли служить источником полных и достоверных знаний (Керцелли 1935:87-92; Петри 1927:12-20; Исаев 1970:141-144. Брук 1986:145). Лишь начиная с 1990-х годов, когда сойоты заявили о себе как о самостоятельной этнической единице, интерес исследователей к ним резко возрос (Павлинская 1993:37-39, 2002; Жуковская 1994; Орешкина 1995:49; Рассадин 1996, 1999:26-27; Ирильдеева 2000:132-136). В настоящее время они являются одним из наиболее активно изучаемых малочисленных народов Сибири.

Учитывая, что тофалары и сойоты долгое время развивались в отрыве от основного этнического массива, достаточно самостоятельно и независимо друг от друга, хотя и имели много общих черт в хозяйстве, быту и культуре, их, на наш взгляд, следует рассматривать отдельно, поскольку путь, пройденный каждым из них, с одной стороны, весьма своеобразен, с другой – универсален.

Тофалары

В дореволюционной русской и зарубежной литературе тофалары известны под названием *карагасы*, хотя самоназвание их – *туба* (тофа, тыфа, тыпа). Оно восходит к древнему письменному названию «*дубо*», которое встречается в китайских летописях Вэйской (У в.) и Танской (УП-Х вв.) династий. В них говорится, что *туба* «...кочевали к востоку от хагасов, к северу от уйгуров; земли их примыкали к Косо голу (Хубсугулу – М.М.). Разделялись на три аймака. Ловили рыб, птиц и зверей и употребляли их в пищу» (Бичурин 1950:348, 439, 447). Г.Е.Грум-Гржимайло полагает, что *туба* являлись аборигенами Саян, «не покидавшими в историческое время этой горной страны» (1899:75). Этноним *дубо–туба* встречается и в «Сокровенном сказании монголов», в рассказе о покорении сыном Чингисхана Джучи местных народов Саяно-Алтайского нагорья применительно к одному из них (Козин 1941:175). Подтверждение тому мы находим и у Рашид ад-Дина, который пишет, что *туба* (тубасы) постоянно пребывают в лесу, однако в век Чингисхана их земли стали принадлежать монгольским племенам, с которыми те смешались. Рашид ад-Дин относит туба к числу тюркских племен, которых в то время называли монгольскими (1952:150). Этот этноним дожил до наших дней в виде самоназвания тофаларов – *тофа*, тувинцев – *тыва* и названия рода *туба* (тумат) в составе племенного объединения качинцев и, возможно, тувинцев.

Исследования С.И.Вайнштейна показали, что у восточных тувинцев этноним *туба* был известен еще во второй половине 1 тысячелетия н.э., но в качестве самоназвания тувинского народа он выступил значительно позднее (1961:35). Об этом, в частности, свидетельствует следующее. Предки тофаларов, находившиеся с ХУП в. в составе Российского государства, в ХУШ в. были отделены от родственных им племен Восточной Тувы, оказавшихся в составе Китая в период владычества Цинской империи. Это привело к образованию отдельной народности тофаларов с самоназванием *тофа*.

Тофалары являются потомками населения, входившего в ХУП в. в пять административных улусов «Удинской земли» Красноярского уезда: Карагасский (род Сарыг-Каш), Кангатский (род Каш), Югдинский (род Кара-Чооду), Сильпигурский (род Ак-Чооду или просто Чооду) и Маньчжурский (род Четпей), возникший на месте распавшегося Кубалитского улуса (Рассадин 1971:4-5). Это деление сохранялось вплоть до 1960-х годов, т.к. за каждым родом при кочевой жизни был закреплен определенный район кочевания и охотничьих угодий. Тофалары старшего поколения до сих пор помнят свою принадлежность к тому или иному роду: *Хааш, Сарыг-Хааш, Чогду, Кара-Чогду и Четпей*.

Раньше тофалары кочевали по таежным пространствам северного склона Восточных Саян, в верховьях рек Уда, Бирюса, Кан, Гутар, Ия и левых притоков Оби. Они живут в Нижнеудинском районе Иркутской области. Их территория примыкает к территории Тоджинского кожууна Республики Тыва; тувинцы-тоджинцы и тофалары очень близки по происхождению, языку и многим элементам культуры. Например, относительно их антропологического сходства М.Г.Левин отмечал, что тоджинцы и тофалары обнаруживают своеобразное сочетание ряда признаков, отличающих их от тувинцев степных районов «еще более слабым ростом бороды, сравнительно мягкими волосами, более сильно выступающими скулами, более тонкими губами» (1958:146). Этот антропологический тип, названный Г.Ф.Дебецем «катангским» (1950:97-111), распространен также у западных эвенков, чулымцев, селькупов и ненцев. М.Г.Левин рассматривает его как «древний тип бассейна Енисей» (1958:162, 298). На счет их языка Н.Ф.Катанов пишет: «...несомненно то, что в 1890 г. они (карагасы – М.М.) говорили совершенно почти одинаково с урянхайцами (сойотами) Северной Монголии и звали себя так же, как и они, т.е. туба»; в начале 1900-х гг. их численность была не более 300-400 человек (1909:285).

Учеными также установлено, что шаманский костюм тувинцев-тоджинцев, отличаясь по ряду признаков от распространенного в других

районах Тувы, имел большое сходство с тофаларским: у тех и у других на костюмах изображался скелет и имелся нагрудник. На тоджинских бубнах, как и на тофаларских, как правило, не было рисунков, характерных для бубнов шаманов других районов Тувы (Вайнштейн 1961:26). Шаманы у карагасов, как отмечает Н.Ф.Катанов, были весьма могущественны, они могли вызвать град по необходимости и поразить неприятелей, задумавших что-то против них (1909:286).

Тофалары были близки к тувинцам-тоджинцам и по родовому составу. Тофаларский род *чооду* (*чооду*), по преданию, записанному Н.Ф.Катановым, пришел к тофаларам с верховьев Уды, левого притока Ангары, род *хааиш* – из Урянхайской земли, с верховьев Енисея, *сарыг-хааиш* произошел «от одного мальчика, которого нашли играющим на речке Оденге, приток Большой Бирюсы», *четпей* «произошел от двух худых людей, пришедших сюда от озера Косогол» (1909:285), т.е. из района, где издавна жили самодийскоязычные племена. Отсюда понятно, почему часть тофаларов говорила на самодийском языке (Паллас 1788:523-526). Род под названием *чооду* есть среди тувинцев и алтайцев, *чот* – среди шорцев (Потапов 1953:158). Этот же этноним в форме *тйоди* был отмечен у сагайцев и койбалов (Кастрен 1860:392; Аристов 1896:74).

Название рода *хаазыт*, часто встречающееся у тувинцев-тоджинцев, является монгольской формой множественного числа этнонима *хаас* (*хааиш*), который в свою очередь сопоставим с другим самодийским этнонимом - *каса*. Родовые названия тофаларов *хааиш* и *сарыг-хааиш*, по мнению некоторых авторов, восходят к самодийскому *каса* (Вайнштейн 1961:21).

Другим важным этническим признаком, указывающим на древние связи тофаларов и тоджинцев с самодийскими племенами является оленеводство самодийского типа. Оно, как убедительно показали исследования Г.М.Василевича и М.Г.Левина, генетически связано с саянским типом оленеводства, распространенным и в других районах, прилегающих к Саянам. Оленеводство саянского типа хорошо знакомо на территории Монголии цаатанам и дархатам (1951:76-77), в состав которых, как утверждает И.В.Рассадин, вошли многие тюркоязычные этнические группы, родственные тофаларам и тувинцам (2000:132); а также бурятоязычным сойотам, ведущим происхождение от тюркоязычных оленеводческих групп, родственных цаатанам и тофаларам, ныне живущим в Окинском районе Республики Бурятия (Жуковская 1994:5).

Мнение ученых по поводу тофаларского языка долгое время было неоднозначным. Одним из его первых исследователей был Н.Ф.Катанов: в 1890 г. он совершил поездку к тофаларам и записал у них 67 песен, 536

стихов, 26 устных рассказов, 9 преданий, 9 загадок, 29 сказок, которые затем издал с переводом на русский язык (см. Радлов 1907:614-657). Но, к сожалению, Н.Ф.Катанов не создал ни грамматики, ни словаря тофаларского языка. Однако его фольклорные тексты, собранные у тофаларов, стали теперь уникальными памятниками.

В конце ХУШ в. П.С.Паллас доказывал, что язык карагасов, т.е. тофаларов относится к самодийской группе (1788:524-526). Но позже, в середине XIX в. М.А.Кастрен нашел их уже тюркоязычными и, более того, признал тофаларский язык очень близким к тувинскому языку и качинскому диалекту современного хакасского языка (см. Рассадин 1982:1). Н.А.Баскаков считал тофаларский язык диалектом тувинского языка (1969:317). С.Е.Малов относил тофаларский язык, как и современный тувинский, хакасский, шорский и языки памятников древнетюркской и древнеуйгурской письменности, к другим тюркским языкам (1951:7). По классификации А.Н.Самойловича, тофаларский язык относится к подгруппе «д» – диалектов северо-восточной, по основному языку – уйгурской, группы тюркских языков, к группе «бол» – диалектов (1922:8-9).

Позже В.И.Рассадину удалось подытожить и обобщить результаты всех произведенных ранее исследований по тофаларскому языку и с максимальной полнотой описать строй современного тофаларского языка, произвести сравнение элементов строя с таковыми других тюркских языков и, опираясь на полученные данные, определить как статус этого языка, так и его место в системе тюркских языков. Отдельно им исследовалась лексика тофаларского языка.

Исследования В.И.Рассадины, которые велись беспрерывно с 1964 по 1980 гг., показали, что строй тофаларского языка свидетельствует о его самостоятельности. Об этом же говорят, как он считает, и факты экстралингвистического характера, к которым относятся, например, такие, как осознание тофаларами себя как самостоятельного народа со своим языком, своей территорией, своим типом хозяйства и самобытной культурой, хотя и во многом схожей с культурами других народов Сибири. «Хотя их язык в некотором отношении и близок к тувинскому, - пишет В.И.Рассадин, - но взаимопонимание между тофами и тувинцами, даже тоджинцами затруднено, о чем свидетельствуют как сами тофы, бывавшие в Туве, так и тувинцы, приезжавшие к тофаларам». Он полагает, что имеющаяся близость между тофаларским и тувинским языками является следствием того, что эти языки образовались за счет обособления и длительного самостоятельного развития осколков распавшегося некогда их единого языка-предка (1982:33-34). Этот вывод лишний раз закрепляет

известный тезис об общем этногенезе тувинцев и тофаларов.

Исследования убедительно показывают, что отличия между тофаларами и тувинцами-тоджинцами появились в начале ХУП в., когда на реке Удэ в районе расселения тофаларов был построен Удинский острог (в 1648 г.), тофалары вступили в общение с русскими, испытав заметное их влияние, в то время как тувинцы-тоджинцы остались под властью маньчжуров и почти не соприкасались с русским населением. Со временем отличия между ними лишь усиливались и, наконец, привели к обособлению тофаларов, к их отпочкованию от тувинцев.

После установления советской власти в Сибири начался процесс советизации всех сторон жизни и быта тофаларов. В 1927 г. район их расселения был выделен в особую национальную единицу – Карагасский родовой Совет. Территория данного района и охотничьи угодья составляли Центральное Саяно-Карагасское охотничье хозяйство с центром в с. Алыгджер. В 1930 г. родовой Совет был преобразован в Карагасский туземный Совет и выделен как самостоятельная административная единица с непосредственным подчинением Восточносибирскому краю. С 1934 г. Карагасский туземный Совет стал называться Тофаларским национальным Советом, т.е. было устранено название «карагасы» и официально утверждено новое – «тофалары». С 1939 г. национальный Совет был реорганизован в Тофаларский районный Совет депутатов трудящихся, районным центром стало с.Алыгджер. Но в 1950 г. Тофаларский район был упразднен и на его месте создано два сельских совета в составе Нижнеудинского района Иркутской области: Тофаларский с центром в с.Алыгджер и Верхне-Гутарский с центром в с.Верхняя Гутара. Это административно-территориальное деление сохраняется и в настоящее время (Рассадин 1971:5-6).

В 1927-31 гг. в хозяйстве и быте тофаларов происходили коренные изменения. Известно, что различия в хозяйственно-культурном типе, образе жизни, культуре заметно сдерживают процесс этнокультурного сближения разных народов. Но вместе с тем процесс этот весьма противоречив и опыт тофаларов тому яркий пример. Оказавшись оторванными от основного этнического массива, они продолжали жить в схожей с родиной естественно-географических условиях, долгое время сохраняли традиционные трудовые навыки и культурные традиции. Быстро растущее по численности русское окружение заставило тофаларов адаптироваться к новым условиям, перенять рациональный опыт хозяйствования новых соседей, что, естественно, наложило своеобразный отпечаток на структуру их занятий и сформировало своеобразные черты тофаларского хозяйства. От русских тофалары заимствовали орудия труда,

одежду и другие элементы русской народной культуры; от русских они получали хлеб, ружье, порох, свинец и т.д.; у русских научились разводить крупный рогатый скот, косить сено и заниматься огородничеством.

Одновременно с освоением русского быта происходило и оседание бывших кочевников. Первыми на оседлость перешла западная группа тофаларов в Алыгджере и восточная – на р. Уткум (правый приток Ии, к юго-востоку от Алыгджера), селясь в непосредственной близости от мест охоты, летних оленных пастбищ, луговых угодий и богатых рыбой озер. Позже начала оседать гутаринская западная группа. К лету 1928 г. осело 20 хозяйств из 95: в 1932 г. процесс оседания был полностью завершен. Тофалары поселились в трех поселках: Алыгджер, Нерха и Верхняя Гутара, которые являлись центрами трех колхозов, объединивших оленеводов: «Красный охотник» (с.Алыгджер), им. С.М.Кирова (пос. Нерха) и «Кызыл Тофа» (с. В.Гутара) (Народы Сибири 1956:536-537).

При переходе на оседлость тофалары получили готовые рубленые из бревен дома крестьянского типа с надворными постройками и приусадебным участком. Переехав в эти дома, они стали учиться у русских соседей жить в них. В то же время довольно долго возле изб стояли чумы, крытые лиственничной корой. Они выполняли роль летнего жилища, особенно для пожилых членов семьи, привыкших с детства жить в чумах (Рассадин 2000а:31).

В 1960-х годах в связи с развалом хозяйства тофаларских колхозов, потерпевших большие убытки, они были реорганизованы в коопзверопромхоз, хозяйственная деятельность которого тоже была ориентирована на оленеводство, охотпромысел, заготовку кедрового ореха и лекарственного сырья. Из членов колхозов тофалары превратились в рабочих, к чему они, как показал последующий опыт, не были готовы. Они лишались работы и соответственно охотничьих участков; среди тофаларской молодежи стала расти безработица.

Наряду с этим происходила и значительная утрата многих элементов этнической культуры тофаларов. С уходом из жизни представителей старшего поколения, носителей традиционной материальной и духовной культуры, с возрастанием количества смешанных браков, в жизнь и быт тофаларов все активнее стали проникать черты, характерные для русского населения. Из быта стала исчезать тофаларская домашняя утварь, заменяемая заводской, купленной в магазине. Даже такой, казалось бы, консервативный обряд, как погребальный, стал полностью напоминать христианский, перенятый у русских. Постепенно в упадок пришел и сам тофаларский язык (по данным 1989 г., его считали родным всего 42,8%), т.к. все школы, равно как и административные органы, работали на

русском языке.

Некоторые традиционные черты сохранялись в оленеводстве и охоте; от старых верований остались обряды, связанные с почитанием духа-хозяина домашнего очага, местности, а также рудиментные остатки культа медведя (Рассадин 2000а:33-36). К этому следует добавить, что конфессиональная идентичность у тофаларов проявляется весьма оригинально. Известно, что в результате общения с монголоязычными племенами Предбайкалья и Забайкалья, а также с тувинцами-тоджинцами в XIУ-ХУШ вв. они испытали некоторое влияние буддизма. Под влиянием русских в ХУП в. тофалары были официально обращены в христианство (Мельникова 1994:135). Однако ни первое, ни второе не помешало им остаться приверженцами своей древней религии – шаманства, представлявшего собой сложную систему взглядов, в которой тесно переплелись различные культы, что определило его специфику, но не выделило из системы шаманских воззрений, известных среди сопредельных этнических групп – тувинцев-тоджинцев, западных бурят, алтайцев.

Тофалары и сегодня продолжают верить в существование трех миров: верхнего, на котором живут бурханы и небожители, среднего, в котором обитают люди и всевозможные духи, в том числе злые и добрые, и нижнего, т.е. царства Эрлика. Их шаманы, вооружившись бубном, олицетворяющим ездового изюбра, путешествуют по верхнему и нижнему мирам, а духов среднего умилоствивляют жертвоприношениями (Рассадин 2000:28).

В целом интеграция тофаларов в социалистическое общество стоила им многого: они утратили привычный образ жизни, многие черты материальной и духовной культуры, предали забвению свой родной язык. Они за это время, как справедливо отмечает И.В.Рассадин, полностью обрусели, чему в немалой степени способствовали не только участвовавшие межнациональные браки (в результате которых, по данным 1985 г., 29,7% тофаларского населения имели европеидную примесь), но и относительно небольшая численность тофаларов в поселках (2000а:36).

Численность тофаларов в советское время незначительно менялась, в целом в ее динамике наблюдалась тенденция к росту. Если в 1950-х годах тофаларов насчитывалось всего 400 человек, то в 1970 г. их было 620 чел., а по данным переписи 1989 г. их стало уже 731 чел. (Мельникова 1994:22). Они являются одним из малочисленных этносов Российской Федерации, имеющим статус народа Севера. В советское время это позволяло детям тофаларов находиться в круглосуточных детских яслях и садах, в школах-интернатах на полном государственном обеспечении. В

средние и высшие учебные заведения они поступали на льготной основе и учились там как дети народов Севера, находясь опять же на гособеспечении. Это приобщило тофаларов к образованию и помогло сформировать свою интеллигенцию

В конце 1970-х годов тофаларская интеллигенция, обеспокоенная проблемой сохранения родного языка, выступила с инициативой сначала перед местными, затем центральными властями о создании национальной письменности. Вскоре вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 февраля 1980 г. «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера», в котором были названы и тофалары: оно обязывало расширять научные исследования по малым народам Севера не только в области социально-экономических и медицинских наук, но и лингвистических, особенно по проблемам создания и развития письменностей на языках северных народов, не имеющих ее, разработке учебных пособий по этим языкам и составлению словарей различных типов.

Созданием письменности для тофаларского языка занимался известный тюрколог В.И.Рассадин, на счету у которого были серьезные исследования по тофаларам, в первую очередь по их языку. Его исследования практически позволяли строить на них преподавание тофаларского языка; их можно было также использовать в разработке вузовских курсов по сравнительно-исторической тюркологии и создании сравнительной грамматики тюркских языков. Опираясь на них, профессор В.И.Рассадин и создал тофаларскую письменность в 1986 г. В 1989 г. был уже издан букварь и начато изучение тофаларского языка в начальных классах средней школы. В эти же годы был создан тофаларский фольклорный ансамбль «Тыырык ибилер» (Быстрые олени), а также организован Центр этнической культуры (2000a:33).

В настоящее время тофалары, по мнению И.В.Рассадина, представляют собой старый этнос, но с измененным образом жизни, с создаваемой заново материальной и духовной культурой, представляющей фактически симбиоз некоторых черт традиционной культуры и видов хозяйственной деятельности с новыми, русскими по происхождению (2000a:37). Этот их новый образ жизни и культура находятся пока еще в стадии становления.

Сойоты

Сойоты проживают в Окинском (с.Сорок и с.Орлик) и Тункинском (с.Монды) районах Республики Бурятия, но подавляющее большинство все-таки в Окинском, поэтому в научной литературе их часто называют

окинскими сойотами (Жуковская 1994:12). По типу хозяйства и образу жизни они таежные охотники и оленеводы. По происхождению, языку и культуре им очень близки, как отмечалось ранее, тофалары Иркутской области, тувинцы Тоджинского кожууна Республики Тыва и туха (цаатаны) Хубсугульского аймака Монголии. Последние генетические исследования, проводившиеся совместно московскими и тувинскими учеными на уровне ДНК показали наибольшую близость сойотов к тувинцам, которая «не могла бы сохраниться (или сложиться) при смешанном происхождении тувинского этноса, который в своей основе сохранил генофонд, свойственный древней азиатской популяции» (Захаров, Ондар, Доржу 2002:129).

Ученые полагают, что самоназвание *сойот* восходит к одному из родовых названий, широко распространенному у многих народов Саяно-Алтайского нагорья – *соян* у тувинцев, *сойонг* у алтайцев и монгольских урянхайцев, *сойан* у хакасов, *соенг* у халха-монголов, которое, в свою очередь, происходит от названия горного массива Саяны.

Первые упоминания о *сойотах* встречаются в исторических источниках ХУП-ХУШ вв., в частности, в русских архивных документах говорится, что они живут в «Саянской земле» (Вайнштейн 1961:38), под которым в то время понималось центральное плоскогорье хребта Восточных Саян. Г.Е.Грум-Гржимайло видел в сойотах «захудалых потомков динлинов», среди которых часто встречались белокурые мужчины и женщины с красивыми формами и тонкими чертами лица (1899:265).

В формировании сойотов как этноса Н.Л.Жуковская выделяет три этнических пласта: самодийский, тюркский и монгольский (бурятский). Предки сойотов входили в число самодийских племен и народностей, расселенных на достаточном большом пространстве Южной Сибири между верховьями рек Оби и Енисея. В конце 1 тысячелетия началось их постепенное вытеснение и ассимиляция более крупными по численности тюркоязычными племенами и народностями, пришедшими на эту территорию из Центральной Азии (1994:11).

Подвергнувшись тюркизации, значительная часть самодийцев, остатки которых в настоящее время представлены ненцами (20 тыс. чел.), селькупам (3,5 тыс. чел.), нганасанам (около 750 чел.) и энцами (около 400 чел.) (Исаев 1970:141-144), утратила не только свой родной язык и самосознание, но и самоназвание. Однако последнее сойотов не коснулось, но смена самодийского языка на тюркский у них все-таки произошла. Язык, на котором говорили сойоты в ХУ1-ХУП вв., ученые относят к числу диалектов тувинского языка, входящего в уйгурскую подгруппу

тюркских языков (Орешкина 1995:49).

Русско-китайская граница, установленная в 1727 г., изолировала сойотов от родственных им тувинцев-тоджинцев и цаатанов. Кроме того, примерно в это же время на территорию, исконно принадлежавшую сойотам, в поисках лучших пастбищ и плодородных земель стали проникать отдельные этнические подразделения монголоязычных бурят и хондогоров (Жуковская 1994:9). Так как их численность стремительно росла, они вскоре заняли доминирующее положение в данном регионе.

Экологические особенности Саянского нагорья, а именно наличие тайги и степи, позволяли каждому народу заниматься традиционным хозяйством: сойотам – оленеводством, бурятам и хондогорам – скотоводством и земледелием. Это во многом способствовало мирному характеру взаимоотношений между этими народами.

Однако сойоты, значительно уступая бурятам и хондогорам по численности, довольно быстро подверглись их влиянию. В частности, от новых соседей они восприняли скотоводство и земледелие. Г.Е.Грум-Гржимайло заметил, что «сойоты орошают свои поля, их лошади и скот считаются лучшими в крае» и т.д. Из других отличительных черт он выделил следующее: «они (сойоты – М.М.) хорошие литейщики»; у них «в высшей степени развито чувство взаимопомощи» и «удержалось выборное право»; сойоты носят «высокие с узкими и загнутыми носками сапоги, какие были в употреблении только у горцев», а также кожаные мешки, украшенные вышивками, которые носят через плечо (1899: 264, 265, 289).

Утрата сойотами родного языка, по всей вероятности, произошла в ХУШ в. По данным известного этнографа Сибири Б.Э.Петри, работавшего среди сойотов в 1926 г., численность их тогда была чуть более 500 человек, но при этом они почти не говорили на родном языке, предпочитая бурятский в качестве языка межнационального и внутрисемейного общения (1927:12-20). Специфические особенности сойотской лексики сохранялись только в животноводческой терминологии и в терминах материальной культуры, которые впоследствии были исследованы В.И.Рассадиным (1996).

В советский период судьба сойотов сложилась весьма драматично. Им, как и тофаларам и другим этническим группам, был предоставлен статус малой народности Севера, но почему-то никаких полагающихся к нему льгот сойоты не получили. Образованный Сойотский туземный родовой Совет просуществовал недолго, так как национальные лидеры, руководившие его работой, были репрессированы советской властью. О дальнейшей судьбе народа Н.Л.Жуковская пишет: «Окончательный удар

нанесла сойотам ликвидация в 1963 г. оленеводства как непродуктивной отрасли хозяйства. А когда в Окинском районе Республики Бурятия (тогда Бурятской АССР) был создан Госпромхоз, все лучшие охотничьи угодья отошли к нему, и сойотам стало негде охотиться. Исчезло традиционное хозяйство, а с ним и соответствующий ему образ жизни. Исчезло самоназвание народа, т.к. в переписях населения, проводившихся после 1926 г., сойоты как самостоятельная этническая единица уже не упоминались и записывались как буряты» (1994:11). Так сойоты оказались стерты с этнической карты России, хотя многие из них продолжали сохранять не только память о своей принадлежности к маленькому оленеводческому народу, но и многие народные предания и навыки традиционной бытовой культуры (Павлинская 1993:37-39).

Однако грянувшее в начале 1990-х годов движение за национально-культурное возрождение, охватившее все народы бывшего СССР, не оставило в стороне и сойотов. В 1992 г. по инициативе жителей с.Сорок Окинского района был создан Центр сойотской культуры, призванный содействовать культурному и духовному возрождению этноса. Центр учредил фонд «Ахалар» (Аха – бурятское название реки Оки и ее бассейна) – общественную благотворительную экологическую организацию для защиты интересов сойотского населения. Главой фонда стал лама гелонг Данзан-Хайбзун, в миру Федор Самаев, сойот по национальности, уроженец Окинского района, в прошлом студент восточного факультета Ленинградского госуниверситета, затем послушник тибетского Гоман дацана в Южной Индии (Павлинская 1993:37-39).

В 1993 г. был создан Сойотский национальный сельский Совет с центром в с.Сорок, а также в Министерстве юстиции Бурятии зарегистрирована Ассоциация сойотов Окинского района, в которую записалось 812 чел. (Павлинская 2002:65). Одним из пунктов Устава Ассоциации было восстановление национальных традиционных форм экономики; с этой целью осенью 1994 г. в Оку из соседней Тофаларии были завезены 60 оленей. Это положило начало возрождению традиционного оленеводства, специализировавшегося на разведении карагасской породы домашних оленей. Ассоциация также занимается разработкой и реализацией мер по оздоровлению экологической обстановки, возрождением национальных особенностей сойотской культуры. На этой волне сойоты вышли и на международную арену, заключив договор о сотрудничестве с Центром коренных народов США и Канады (Жуковская 1994:16).

Довольно долго и сложно решался вопрос о возвращении сойотам самоназвания, о признании их самостоятельным коренным народом

Бурятии. Главная сложность состояла в том, что сойоты отсутствовали в перечне народов, прошедших перепись 1939, 1959, 1979, 1989 гг., хотя в переписи 1926 г. их значилось 161 человек, что несколько противоречит данным Б.Э.Петри, полученным им в этом же году, согласно которым сойотов тогда было всего 44 чел. (Павлинская 2002:63).

Окинские сойоты не фигурировали в статистических бюллетенях, т.к. на федеральном уровне считались исчезнувшим, полностью растворившимся среди бурят этносом. Это и стало камнем преткновения, надолго задержавшим решение крайне важного для сойотов вопроса об их дальнейшем национально-культурном и правовом обустройстве.

И только благодаря сотрудникам Института этнологии и антропологии РАН, в частности доктору исторических наук Н.Н.Жуковской (1994:18), была подготовлена для всех заинтересованных инстанций и лиц историко-этнографическая справка о сойотах, времени и истоках их формирования, особенностях материальной и духовной культуры, причинах происшедшей с ними трансформации и ассимиляции. На основании этого компетентного заключения Правительство России в марте 2000 г. особым постановлением № 255 включило сойотов Бурятии в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, что автоматически давало им право войти в федеральную целевую программу «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера», куда всегда входили тофалары – близкие родственники сойотов.

Таким образом, последнее десятилетие прошлого века стало поистине переломным моментом для сойотов. Именно в это время произошли важнейшие перемены в их этническом самосознании, во многом определившие тот облик и характер, который присущ им в настоящее время.

Во время полевых исследований Л.Р.Павлинская выявила у них ряд необычайно важных явлений, одно из которых – смена национальности. «Значительное число заявлений (около 60%), - отмечает она, - написано женщинами. В них содержится просьба об изменении национальности всех членов семьи (часто включая и семью мужа), в связи с тем, что их предки были сойотами, причем в числе этих предков чаще всего указываются мать, бабушка или прабабушка и значительно реже – отец или дед. Та же самая тенденция прослеживается и в заявлениях мужчин, в которых также достаточно часто среди предков-сойотов фигурирует мать или бабушка» (2002:66). Эта ситуация четко отражает такой хорошо известный процесс, как внутренняя ассимиляция народа, пришедшего на новую территорию, за счет доминантной роли браков с женщинами автохтонного этноса. Л.Р.Павлинская считает, что в Окинском районе

Бурятия на протяжении нескольких поколений во взаимобрачных отношениях двух народов преобладали именно браки бурят с сойотскими женщинами. Обратный же вариант, по ее мнению, встречался значительно реже, т.к. для бурятки брак с сойотом был менее престижен в силу более низкого в целом социально-экономического положения этого народа (там же).

Однако в наши дни быть сойотом оказывается значительно престижнее и, возможно, выгоднее, чем быть бурятом. Иначе, как объяснить резкое увеличение сойотского населения в Бурятии? Если в 1993 г. в Ассоциацию сойотов записалось 812 человек, то в 1995 г. при локальной переписи населения Окинского района национальность сойот принимают уже 1973 человека (там же:65).

В ноябре 2000 г. Окинский район Бурятии был переименован в Окинский сойотский национальный район. По данным на январь 2001 г., в районе насчитывалось населения – всего 4615 человек, из них 2002 – сойоты (Жуковская 1994:18). Они включены в список народов России, подлежащих переписи в 2002 г. Это означает, что официального признания на всероссийском уровне сойоты добились, впереди им предстоит пройти долгий и сложный путь этнического самоутверждения.

Белый дом в Кызыле, 2010 г.

Флаг Советской Тувы.

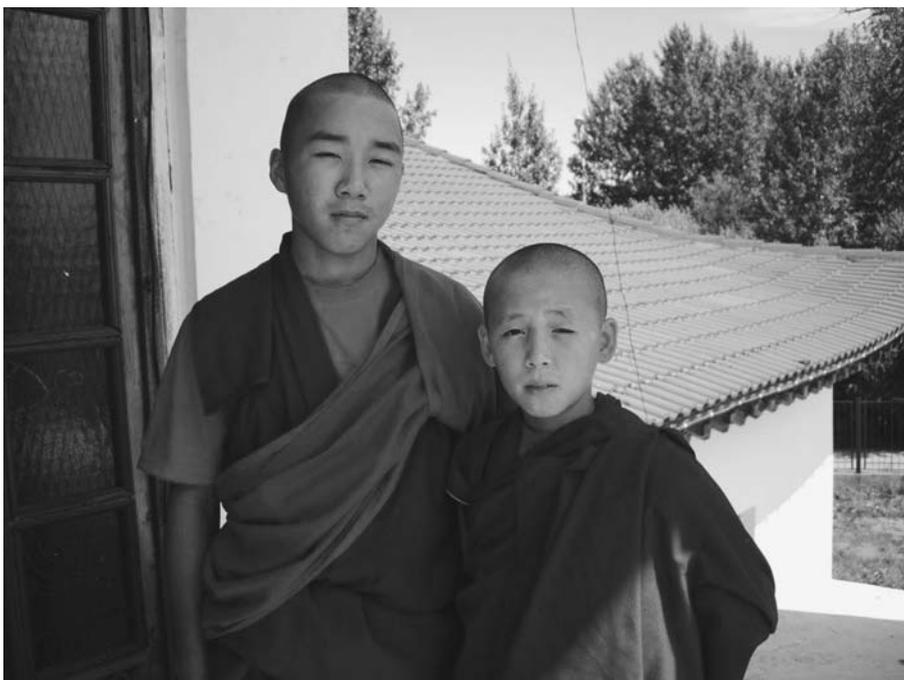
Здание Арбитражного суда, 2009 г.

Национальный музей Республики Тува, 2010 г.

В буддийском храме, 2009 г.

Монахи нового поколения.

Главный буддийский храм в Кызыле.

Молельный барабан.

Новый субурган, 2010 г.

На улице Кызыла.

Оваа около шаманской клиники

Оваа

Обелиск Центр Азии

Современная свадебная церемония.

Социализм рухнул, а Ленин остался.

Торговый центр в Кызыле

Новая православная церковь в Кызыле

Буддийская мантра Ом мани падме хум, сложенная из камней.

Будущее Тувы

МТС, Билайн и Мегафон связывают Туву со всем миром, 2010 г.